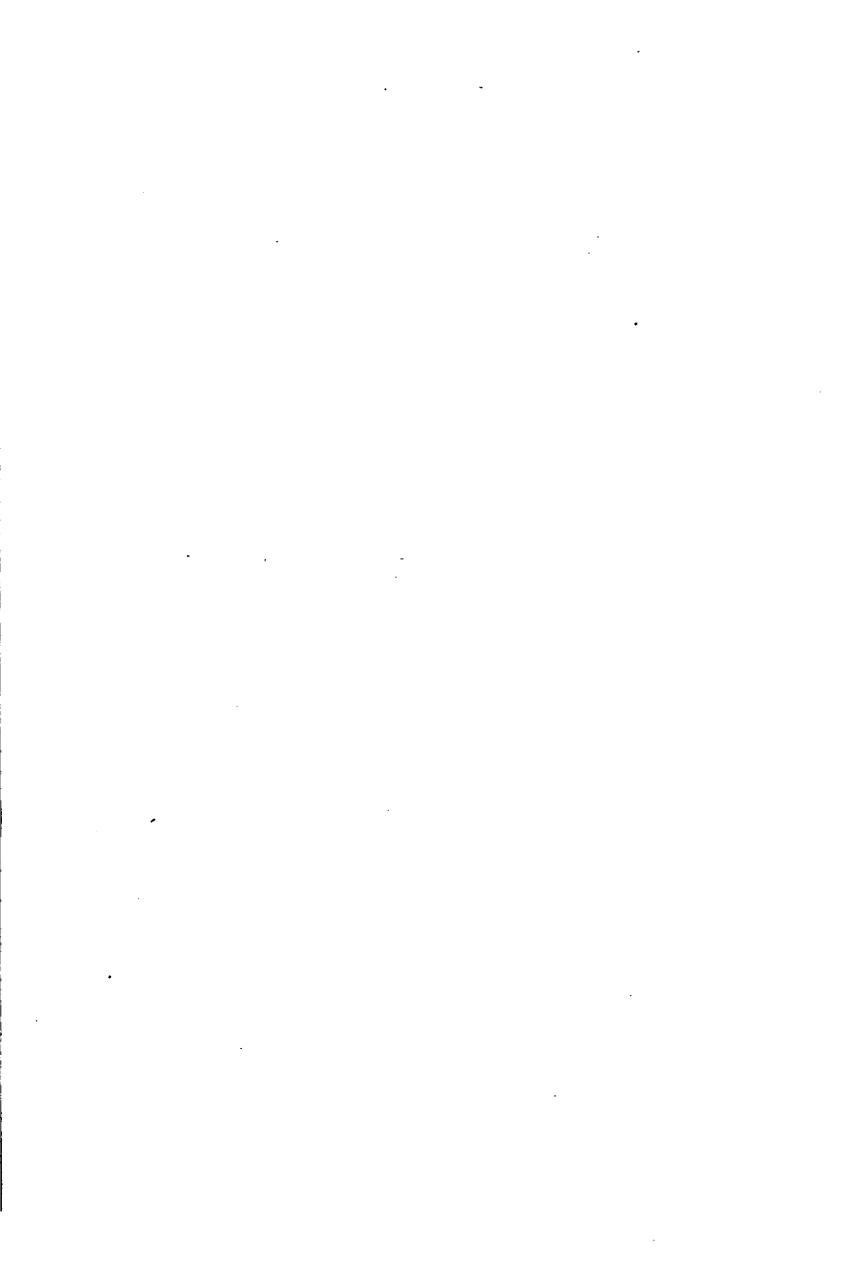


ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ



ЖЕНЩИНА ВЪ XVIII ВѢКѢ

(ПО ГОНКУРУ)

А. Н. ПЛЕЩЕЕВА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

KD 44132



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 іюля 1888 г.

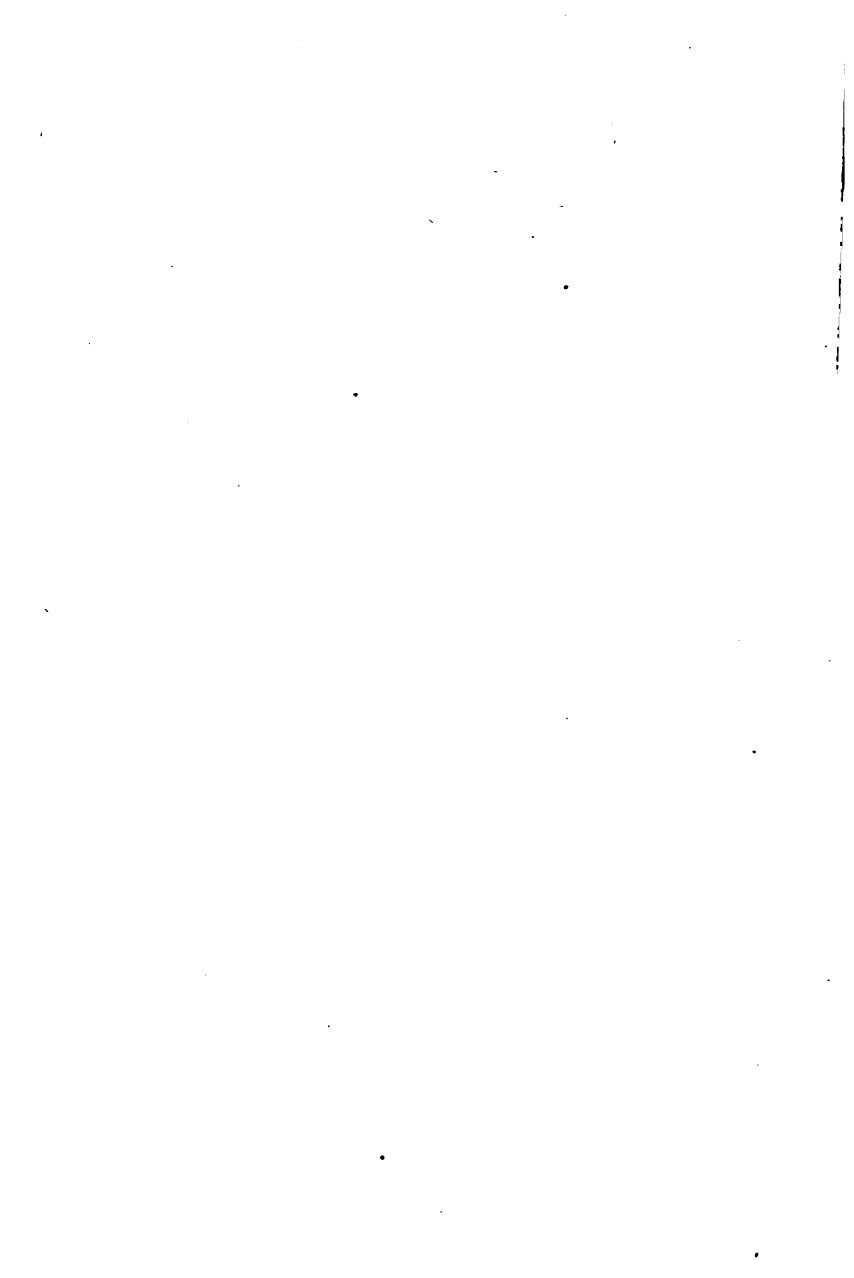


Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2



СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Рожденіе.—Монастырь.—Бракъ	1
II. Женщина въ буржуазіи	45
III. Простолюдника	81
IV. Королевскія фаворитки	110
V. Старость женщины	172



I.

Рожденіе.—Монастырь.—Бракъ.

Когда въ XVIII вѣкѣ родится женщина—ея появленіе на свѣтъ не встрѣчаетъ радость семьи. Семейный очагъ не принимаетъ для нея праздничнаго вида. Это событіе наполняетъ сердца родителей не восторгомъ, а разочарованіемъ. Это не тотъ желанный ребенокъ, котораго призываютъ надежды отцовъ и матерей, въ этомъ обществѣ, управляемомъ салическими законами; это не наслѣдникъ, предназначенный для продолженія рода, для поддержанія имени, блеска и достоинства дома; это только дочь... и передъ ея колыбелью отецъ остается холоденъ; мать страдаетъ какъ королева, ожидавшая дофина.

Вскорѣ кормилица далеко увозитъ съ собою малютку; и только уже позднѣй, въ

эпоху картинъ Греза и д'Обри, мы видимъ мать, приѣзжающую къ кормилицѣ навѣстить своего ребенка. Когда дѣвочка возвращалась въ родительскій домъ, ее поручали гувернанткѣ, съ которой онѣ вмѣстѣ жили въ верхнихъ комнатахъ. Гувернантка старалась сдѣлать изъ ребенка маленькую барышню, но помаленьку, осторожно, съ помощью лести и баловства. Въ этой дѣвочкѣ, которую она почти никогда не подвергала взысканіямъ, позволяя ей дѣлать все, что угодно, она уже подготавливала себѣ покровительницу, которая, по выходѣ замужъ, должна обезпечить ей маленькое состояніе. Она учила ее читать и писать, останавливала ея вниманіе на картинкахъ въ библіи Саси; знакомила съ географіей, показывая въ хорошенькомъ оптическомъ ящикѣ внутренность храма Св. Петра, новый дворецъ въ Сан-Суси, новую церковь Св. Женевьевы — патронессы Парижа, Эрмитажъ русской императрицы; давала ей иногда прочесть какіе нибудь «Совѣты отца или матери своимъ дочерямъ» или какое нибудь «Разсужденіе объ истинномъ достоинствѣ». Она также приучала ее держаться прямо, дѣлать всѣмъ реверансъ;

и вотъ почти все, чему гувернантка обучала ребенка.

Картины XVIII вѣка изображаютъ намъ этого ребенка, эту маленькую дѣвочку, эту современную женщину въ миниатюрѣ, въ шапочкѣ, украшенной множествомъ перьевъ, или въ чепчикѣ съ лентами и цвѣткомъ, приколотымъ съ боку; въ прозрачномъ тюлевомъ фартучкѣ, съ вышитыми на немъ букетами, на голубомъ или розовомъ шелковомъ платьѣ. Игрушки ея великолѣпны. Это серебряныя, золотыя или коралловыя погремушки; деревянныя и сильно нарумяненные куклы, которыя больше ея самой, такъ что она едва можетъ держать въ своихъ рученкахъ. На дѣтскихъ портретахъ въ версальскомъ музеѣ вы видите иногда этихъ дѣвочекъ играющими въ паркѣ; онѣ возятъ другъ дружку по песку аллеи въ маленькихъ телѣжкахъ, имѣющихъ форму раковины, въ какой на картинѣ Буше является Венера. Всѣ онѣ страшно разряжены, въ серебряныхъ кружевахъ, въ бантахъ, въ цвѣтахъ; туалетъ ихъ представляетъ миниатюрную копію роскошныхъ нарядовъ ихъ матерей. Только по утрамъ видятъ ихъ дома въ этомъ

простомъ, граціозномъ, такъ идущемъ къ дѣтскому возрасту костюмъ, называемомъ *habit de marmotte* или *Savoyarde* и состоящемъ изъ коричневаго шелковаго платья съ тремя рядами розовыхъ лентъ на подолѣ и изъ газовой косынки, покрывающей голову и завязанной подъ подбородкомъ. Но не такими нравятся дѣвочки своимъ родителямъ. Не успѣютъ онѣ выйти изъ пеленокъ, какъ ужъ на нихъ надѣваютъ корсетъ, un *corps de baleine*, парадное платье и берутъ имъ танцовальнаго учителя; одна гравюра Коне изображаетъ намъ маленькую дѣвочку, которая, округливъ локти и держась кончиками пальцевъ за свою пышную юбку, стоитъ въ позиціи съ серьезнымъ видомъ—съ видомъ «дамы», между тѣмъ какъ танцмейстеръ командуетъ: идите же въ тактъ... голову прямо... больше смѣлости во взглядѣ!

Заставить маленькую дѣвочку разыгрывать изъ себя даму—къ этому только и стремится все первоначальное воспитаніе въ XVIII вѣкѣ. Оно старается уничтожить въ ребенкѣ всякую живость, всякое естественное движеніе, все дѣтское. Оно подавляетъ его характеръ точно такъ же, какъ связы-

васть его тѣло. Оно употребляетъ всѣ
усилія къ тому, чтобъ дѣвочка опередила
свой возрастъ. Посылаютъ ли ее гулять
въ Тюльери, ей говорятъ, чтобъ она не
прыгала, чтобы гуляла съ серьезнымъ ви-
домъ; какъ будто и безъ того ея панье
не мѣшаетъ всякимъ дѣтскимъ шалостямъ.
Приходилось ли ей крестить (сдѣлаться
крестной матерью — это было въ то
время величайшимъ счастьемъ для дѣ-
вочки, высшей честолюбивой мечтой ея.
Это была первая роль, которую ее заста-
вляли играть въ обществѣ), она садилась
въ карету какъ взрослая женщина, съ
перьями въ волосахъ, съ жемчужнымъ
ожерельемъ на шеѣ, съ букетомъ на лѣ-
вомъ плечѣ. Собиралась ли она на дѣт-
скій балъ — потому что ее чуть не съ ко-
лыбели находятъ нужнымъ приучать къ
этому свѣту, въ которомъ она будетъ бли-
стать, къ этимъ удовольствіямъ, которыя
будутъ ея жизнью — ей клали на голову
огромную подушку, называвшуюся *toqué*,
на которой воздвигали, съ помощью була-
вокъ и фальшивыхъ волосъ, какую-то
чудовищную башню — *hérisson*, увѣнчан-
ную тяжелой шляпой; ее облекали въ но-

вый корсетъ, въ тяжелый панье изъ конскаго волоса и съ желѣзными обручами; платье ея все было покрыто гирляндами, и ее везли, говоря ей: «остерегайся, чтобъ не стереть румянъ, не растрепать прически, не смять туалета; да веселись хорошенько...»

Такимъ образомъ формировались эти манерныя дѣвочки, судившія о модахъ, рѣшавшія вопросъ о туалетѣ, вмѣшивавшіяся во все, и которыя не могли выносить даму не надушенную и безъ мушекъ; эти хорошенькія дѣти — «*enfants jolis à croquer et tout au parfait*».

Изъ верхняго помѣщенія, гдѣ она жила съ гувернанткой, дѣвочка только на минуту спускалась внизъ, къ своей матери, часовъ въ одиннадцать утра, когда еще ставни ея комнаты были полузакрыты и когда туда входили только домашніе и собачки. «Какъ ты одѣта! говорила мать здоровавшейся съ ней дочери: — что съ тобой! У тебя нынче какое-то больное лицо? Поди скорѣй на румянся. Или нѣтъ, не надо; ты нынче останешься дома». Потомъ, обращаясь къ входившей гостьѣ, прибавляла: «Какъ я люблю этого ребенка! Поди сюда,

поцѣлуй меня, крошка... Но ты сегодня грязнушка... ступай вычисти себѣ зубы. Да, пожалуйста, не приставай ко мнѣ сегодня, по своему обыкновенію, съ разными вопросами, это просто невыносимо». — «Ахъ! какая вы нѣжная мать!» говоритъ гостя. — «Что вы хотите! отвѣчала мать, — я безъ памяти люблю эту дѣвочку!» Никакого другого общества, никакого общенія между матерью и дочерью, кромѣ этого банальнаго разговора, начинавшагося и кончавшагося обыкновенно поцѣлуемъ дѣвочки, поцѣлуемъ въ подбородокъ для того, чтобъ не стереть румянъ съ лица матери. Въ продолженіе долгихъ лѣтъ вы не находите нигдѣ материнскаго воспитанія, того воспитанія, гдѣ поцѣлуи перемѣшиваются съ уроками, гдѣ на вопросы матери, поддѣлывающейся подъ дѣтскій лепетъ, ребенокъ отвѣчаетъ веселымъ смѣхомъ. Душа ребенка не растетъ на колѣняхъ матери. Нѣтъ этихъ взаимныхъ ласкъ, вторично связующихъ ребенка съ той, которая носила его, и подготовляющихъ ей подъ старость въ дочери друга. Тогдашняя мать не старается вызвать въ дѣтяхъ нѣжной довѣрчивости. Она постоянно сохраняетъ

строгую фізіономію, жесткій, сердитый видъ. Ей кажется, что иначе она уронила бы передъ дѣтьми свое достоинство, измѣнила бы своему долгу; что равнодушное, почти холодное отношеніе къ дѣтямъ составляетъ необходимый атрибутъ ея роли. И вслѣдствіе этого мать является дѣвочкѣ какою-то олицетворенной властью, внушающей только страхъ и къ которой она боится приблизиться. Робость овладѣваетъ ребенкомъ, испуганная нѣжность его подавлена, сердце его закрывается. Тамъ, гдѣ должна быть только почтительность, — является страхъ. И симптомы этого страха, по мѣрѣ того какъ ребенокъ подвигается въ возрастѣ, обнаруживаются все сильнѣй и сильнѣй; такъ что сами родители, наконецъ, замѣчаютъ ихъ и начинаютъ тревожиться и сокрушаться. Случалось, что мать и даже отецъ, удивленные тѣмъ, что имъ приходится пожинать то, что они посеяли, просятъ дочь свою, чтобъ она старалась побѣдить трепеть (*le tremblement*), съ которымъ соединяется у ней дочерняя любовь. Въ одномъ письмѣ отца къ дочери мы встрѣтили именно это ужасное слово «*le tremblement*» — «дрожь».

Но вотъ дѣвочка прошла все, чему обучала ее гувернантка. Она хорошо читаетъ и знаетъ катехизисъ. Она умѣетъ танцовать и можетъ спѣть нѣсколько «рондо». Ее еще восьми лѣтъ посадили за клавикорды. Домашнее воспитаніе кончено. Пора отправить ее въ монастырь.

Кто хочетъ имѣть вѣрное понятіе о томъ, что такое былъ въ дѣйствительности «монастырь» въ XVIII вѣкѣ, тотъ не долженъ останавливаться на этомъ словѣ и на идеѣ этого слова. Попробуемъ же обрисовать этотъ пріютъ, гдѣ проходили золотые годы современной женщины — въ ту минуту, когда молодая дѣвушка стучится въ дверь его; проникнемъ за эти суровыя стѣны, скрывающія отъ насъ великолѣпныя жилища съ балконами, каминами, рѣзными карнизами, позолотой, скульптурными украшеніями, гдѣ все носитъ на себѣ отпечатокъ вкуса и роскоши вѣка. Монастырь игралъ въ то время большую роль. Онъ отвѣчалъ всякаго рода общественнымъ потребностямъ. Онъ не былъ только мѣстомъ спасенія: онъ гораздо болѣе служилъ мірскимъ цѣлямъ. Онъ во многихъ случаяхъ представлялъ Hôtel garni и при-